

Т. П. Амелина

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ В XV–XVII ВВ.

В настоящее время в различных научных дисциплинах – этнографии, лингвистике, физической антропологии, археологии – наблюдается повышенный интерес к проблемам этногенеза и этнической истории народов. При решении поставленных проблем исследователи пытаются выяснить познавательные возможности своих источников, определить достоверные методы достижения цели, а также возможности синтеза с данными других наук для получения новых сведений. Так, в археологии, особенно зарубежной, в последнее время все чаще поднимаются вопросы этнической принадлежности археологического материала начиная с древнейших эпох.

Интерес к этим вопросам заставляет обращаться не только к данным, но и к терминологии других наук, в частности этнографии/этнологии. Последняя, как и ряд общественных наук, переживает не самые лучшие времена. Ситуация характеризуется некоторыми исследователями как кризис. Изменения не только коснулись предмета этнографии, но и отразились в попытках пересмотра основных понятий, таких как «этнос», «этническая общность», «этнические признаки», отказа от некоторых из них, введения новых терминов (Козлов, 1995, с. 40–41; Соколовский, 2003, с. 3–19).

В 1990-е гг. среди российских этнологов развернулась дискуссия по теории этноса и этничности (Козлов, 1992; Тишков, 1992, 1997; Чешко, 1994; Соколовский, 2003, с. 3–19). Обсуждались альтернативные представления об этносе, а также западные термины, касающиеся этничности (*identity*, *ethnic identity*, *ethnicity*), однозначного определения которых в зарубежной науке в настоящее

время не существует. Все они касались критериев выделения этноса, особенно индивидуального самосознания, а абсолютизация последнего, как отмечалось, может привести «к потере любых объективных этнических характеристик и полному абсурду». Такой подход, по мнению ряда исследователей только «усугубил кризис» в этнологической науке. В ходе дискуссии высказывались сомнения: не очевидно ли, что «вместе с купелью был выброшен и ребенок», и стоит ли покушаться на «священную корову», а также убеждение, что в существовавшей теории содержался «ряд верных постулатов относительно феномена, заключенного в такой научной категории как "этнос", и всех производных от него» (Заринов, 2000, с. 16; Рыбаков, 2000, с. 3–4).

Не останавливаясь подробно на основных моментах дискуссии, поскольку этому посвящены в большей мере предыдущие статьи, скажу, что я склонна придерживаться традиционного определения этноса, основными признаками которого считаются конкретная территория, язык, культура, психический склад, самосознание и самоназвание (Бромлей, 1972, с. 86; 1987, с. 14), принимая во внимание, однако, то, что практически все объективные признаки могут и не отражать этническую специфику, кроме «неуловимого» субъективного самосознания (Чистов, 1972, с. 76; Чешко, 1994, с. 37–41).

Вопросы интеграции археологии и этнографии, соотношения их терминов, предметов и методов изучения затрагивались в работах многих исследователей. Отмечалось, что этнография изучает «живую» культуру во всем ее многообразии духовного и материального мира, археология, в силу специфики своих источников, – лишь отражение части ее материальной культуры (и отраженных в ней отдельных элементов духовной культуры), но на недоступную для этнографии хронологическую глубину (Клейн, 1978, с. 53–56; Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 79–89; Богомолов, Томилов, 1981, с. 125–128). Материальная культура в своем историческом развитии, как и культура в целом, не остается неизменной, в ней происходит постоянное взаимодействие традиций и инноваций, складывающихся и появляющихся в зависимости от условий среды существования этноса, социально-экономического и политического развития. В

культуре этноса в каждый исторический период формируется своя этническая культура или так называемые этнические признаки, более или менее устойчивые черты культурного облика народа, отличающие данный этнос от других (Чистов, 1972, с. 73–83; Козлов, 1979, с. 71–105). Их можно выявить этнографически в «живой» культуре, но на археологическом материале проследить этническую преемственность труднее. Между тем в культуре этносов могут обнаружиться и общие черты, например, у народов, живущих в сходных природных условиях и находящихся на одинаковом уровне социально-экономического развития. У соседних этносов возможны культурные заимствования в процессе межэтнических контактов. Большое значение имеют политические события, а также вхождение разноэтничных народов под эгиду одного государства. Для национальной консолидации позднефеодального и капиталистического периодов характерны активизация межнациональных экономических и культурных связей, ликвидация замкнутости, связанной с натуральным хозяйством, развитие торговых связей и в конечном счете определенная нивелировка материальной и духовной культуры общества (Чистов, 1972, с. 75). Считается, что этническая интерпретация археологических материалов возможна лишь начиная с исторических периодов раннеклассовых обществ, когда для отождествления археологических культур можно привлечь данные лингвистики или сведения ранних письменных источников. С помощью ретроспективного метода достоверно отождествляемые на основе письменных или этнографических данных археологические материалы можно связать с предшествующими (Арутюнов, Хазанов, 1979, с. 86–87). Во всех случаях успех зависит от полноты и совместимости различных данных.

В настоящее время не подлежит сомнению, что вопросы этнической истории должны решаться на основе комплексного анализа источников различных наук. Привлечение результатов тех или иных дисциплин зависит от хронологической глубины исследования. Если для ранних эпох более значимы данные археологии и палеоантропологии, то в последующем круг источников расширяется и к ним присоединяются лингвистические материалы, сведения письменных документов, наконец, этнографические и другие

источники нового и новейшего времени. Таким образом, встают вопросы о границах наук, прежде всего археологии, а также о возможности сопоставления их источников.

В 1878 г. на III археологическом съезде по предложению А. И. Уварова было принято считать традиционной границей археологии конец XVII в. (1700 г.), но в дальнейшем постулировалось, что археологи лишь в отдельных случаях выходят за рамки XIV в. и изучают поздние слои XV–XVII вв. По определению Д. А. Авдусина (1967, с. 2), «археология изучает прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляют сведения, извлеченные из вещественных источников». Сегодня некоторые археологи к этой фразе добавляют, что и тех и других источников, как правило, недостаточно (Белорыбкин, 2002, с. 160). Философское обоснование верхнего хронологического рубежа археологии Б. Н. Боряз (1976, с. 209–212) попытался определить как интерес общества к прошлому, необходимость получения вещественных доказательств для дополнения информации из уже имеющихся письменных или каких-либо еще источников. Л. С. Клейн резонно возражал, что поднятие затонувшего «Титаника», а также криминалистические работы и поисковые, связанные с вскрытием человеческих останков, в таком случае могут быть отнесены к археологическим работам, но таковыми не являются. По его мнению, граница проходит на уровне источников, в области различий их познавательных качеств и методических требований (Клейн, 1978, с. 51–53). В последнее время предложено ограничить пределы археологии на основе характера самого археологического материала рамками середины – конца XIX в. Резкие изменения в материальной культуре в связи с завершением промышленного переворота, повсеместное внедрение продукции фабричного производства, а также хорошая изученность этого периода этнографическими работами, обилие письменных, картографических и других источников делают археологические исследования нецелесообразными. Характерной чертой поздней археологии является неизбежность комплексного применения источников (письменных, этнографических, картографических и др.) (Корчагин, 2002, с. 173 – 175).

В настоящее время увеличивается число сторонников необходимости изучения памятников позднего Средневековья и нового и даже новейшего времени, что способствует сложению в археологии нового направления (Татаурова, 2002, с. 170). Это археологические раскопки сибирских острогов и городов, изучение памятников Новой земли и Шпицбергена, реставрационные, охранные и спасательные работы на территории России. С расширением хронологических и предметных рамок археологических исследований возникла проблема названий этих направлений. Для многих работ применяются термины, давно известные в западной науке, такие как «историческая археология», «промышленная археология», «живая археология». Вводятся и более дробные классификации, например, подразделение «исторической археологии» на «городскую», «церковную», «археологию войны». Все это вызывает, по моему, вполне справедливый протест у других исследователей, предлагающих не развивать «терминотворчество», поскольку неизвестно, к каким фантастическим комбинациям оно может привести, не перенимать западных названий, «не выделять самостоятельных ... дисциплин» без особого предмета, объекта и источников (Корчагин, 2002, с. 175). Как выход – возвращение к традициям: наименование по историческим периодам, принятым в исторической науке: «средневековая археология», «позднесредневековая археология», «археология нового времени».

Вместе с тем расширение хронологических рамок археологии практически смыкает ее с этнографией. В последнее время в Сибири сложилось целое направление этноархеологических исследований. В западной науке под этим термином понимается дисциплина, которая занимается изучением традиционных культур современных этносов, групп или обществ и отражения их социальной и этнической специфики в материальной культуре с целью установления закономерностей, а также попытки реконструкции образа жизни древних обществ на этой основе (Шнирельман, 1980, с. 169–172). Другие ее названия: «археология действия», «живая археология», «археоэтнография», «этнографическая археология». Несколько иное значение вкладывается в этот термин в отечественной науке. Под этноархеологией понимается научное направление,

призванное интегрировать археологическое и этнографическое познание, где целью становится ликвидация разрыва между этнографией и археологией путем изучения так называемых этнографо-археологических комплексов, основу которых составляют «этнически определяемые археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией» (Богомолов, Томилов, 1981, с. 125–128; Томилов, 2004, с. 55). В работах исследователей этого направления «более оптимистически ... звучат предположения о возможностях этнической интерпретации археологических памятников, относящихся к поздним историческим периодам, многие из которых, например в Сибири, могут быть точно увязаны с конкретными этносами и территориально-этническими группами» (Томилов, 1987, с. 17).

В данной статье предпринята попытка синтезировать данные различных наук, представляющих сведения о динамике изменений этнического состава населения южной Карелии в XV–XVII вв., а также выяснить возможности этнической интерпретации имеющихся археологических материалов этого периода.

Этнолингвистическая и историческая карта Карелии

Современная этническая карта Карелии отражает исторически сложившиеся на данной территории районы проживания карел, вепсов и русских. Как известно, карельский язык разделяется на три диалекта: собственно карельский, ливвиковский и людиковский. Считается, что основа ливвиковского и людиковского диалектов вепсская, кроме того, эти два южных диалекта сильно отличаются от собственно карельского. В ливвиковском диалекте больше карельских элементов, в людиковском – вепсских, поэтому людиковский диалект финские языковеды склонны относить к вепсскому языку. Карелы-ливвики занимают территорию между Онежским и Ладожским озерами (Олонецкий и Пряжинский районы). С востока к ним примыкает территория карел-людиков (Прионежский и Кондопожский районы). Далее на север до побережья Белого моря расположены районы, где говорят на собственно карельском диалекте (Зайков, 2001, с. 416–417; Прибалтийско-финские народы, 2003, с. 187). В западном Прионежье

проживает компактная группа северных вепсов, за пределами Карелии, в Ленинградской и Вологодской областях, – средние и южные вепсы. Заонежье и восточный берег Онежского озера традиционно считаются территорией расселения русскоязычного населения.

Этническая карта Карелии, как и в давно минувшие времена, под воздействием различных социально-экономических и политических условий, многообразных этнических процессов, особенно усилившихся в последние столетия (аккультурация, ассимиляция), стремительно меняется. По данным первой всеобщей переписи 1874 г., хотя и не очень точным, среди народов, населявших Олонецкую губернию, большинство составляли русские – 78%, карел насчитывалось 16, вепсов – 4,4%. Русские в основном проживали в Пудожском, Каргопольском, Вытегорском, Лодейнопольском и Петрозаводском уездах, карелы – в Олонецком, Повенецком и Петрозаводском уездах, вепсы – в южных волостях Лодейнопольского уезда и Шелтобережской волости Петрозаводского уезда (Покровская, 1974, с. 102).

Раньше территория проживания прибалтийско-финских этносов была, вероятно, намного шире, но определение этнической принадлежности населения в период XV–XVII вв., который, казалось бы, хорошо отражен в письменных источниках, вызывает у историков затруднения. Так, исследовательница средневековой истории края Р. Б. Мюллер (1947, с. 16) замечает: «Национальный состав населения Карелии почти не различим в наших источниках». Прямые указания на этническую принадлежность населения, как правило, редки в письменных источниках, однако косвенными свидетельствами могут служить имена и названия поселений прибалтийско-финского происхождения. Массовые письменные источники этого времени, писцовые и переписные книги, обычно фиксируют христианские имена, характерные как для русского, так и для прибалтийско-финского населения, а также названия поселений, большинство которых образовано от имен поселенцев или особенностей географического расположения. Поэтому картина расселения карельского, вепского и русского народов на территории Карелии этого времени не восстановима

без ретроспективного привлечения сведений документов XVIII–XIX вв., переписей населения, языкознания, антропологии, этнографии и других дисциплин.

В XV в. с образованием Русского централизованного государства территория Карелии вошла в состав Водской (Корельский уезд и Лопские погосты) и Заонежской пятин, частью последней стали погосты на Олонецком перешейке и в Прионежье. На каждой из этих территорий сложился свой этнический состав населения. Рассмотрим сведения различных наук об этническом составе населения Онежско-Ладожского перешейка и Прионежья. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. дают возможность определить численность населения в погостах, его передвижения, плотность и характер расселения (Мюллер, 1947, Витов, 1962, с. 104; Витов, Власова, 1974). Наибольшее число погостов Заонежской половины прилегало со всех сторон к Онежскому озеру. Западное побережье озера занимал Остречинский погост, с юга к нему примыкал Оштинский. К северу от Остречинского, захватывая северо-западное побережье Онежского озера, располагался Шуйский погост. Наибольшая плотность населения отмечена в территориально небольших погостах Заонежского полуострова: Кижском, Толвуйском и Шунгском, что во многом связано с природно-климатическими условиями, в частности с плодородием почв. Слабо заселенными были северный Выгозерский погост, выходивший к Белому морю и расположенные к северо-востоку от Онежского озера Челмужский и Водлозерский погосты. Шальский и Пудожский занимали бассейн р. Водлы, основной водной магистрали, связывавшей Прионежье с Заволочьем. С юга и юго-востока от Онежского озера по рекам Андоме и Вытегре располагались Андомский и Вытегорский погосты, за ними – Мегорский погост.

Онежско-Ладожский водораздел

Расположенный в восточном Приладожье Рождественский Олонецкий погост в настоящее время является территорией проживания карел-ливвиков. Уже к середине XIX в. зафиксировано сильное обрусение карел этого района. Путешествовавший по Олонецкой губернии финляндский исследователь А. Альквист отмечал, что

первой карельской деревней к северу от Свири была Мегрега. Особенно сильное влияние русского языка чувствовалось в окрестностях г. Олонца. Местные карелы относили свой язык к ливвиковскому, а население территории между оз. Святозеро и Петрозаводском – к людиковскому языку, который отличался многочисленными вепскими и русскими заимствованиями (Жербин, 1990, с. 29). Данные переписи 1873 г. отразили проживание прибалтийско-финского населения в деревнях вдоль рек Олонки, Мегреги, Туксы, Седоксы, Обжи, а также у внутренних озер: Торосозеро, Коткозеро, Утозеро, Ведлозеро, Сямозеро и др. Лишь в районе р. Тулоксы отмечались обрусевшие инородцы (Список населенных мест... 1879, с. 137–158). Согласно теории, основанной на диалектологических данных, ливвиковский диалект образовался в результате проникновения на Олонецкий перешеек корелы из соседнего северо-западного Приладожья и Карельского перешейка и «сплавления» с уже имевшимся здесь древневепским населением (Бубрих, 1947, с. 15). Археологические данные позволяют говорить о движении корелы на Олонецкий перешеек с X в. и об изменениях, наблюдаемых в погребальной обрядности курганов так называемого видлицкого типа, являющихся ответвлением приладожской курганной культуры древней веси с XI в. (Кочкуркина, 1982, с. 6).

О раннем заселении территории и этническом составе населения свидетельствует местная топонимия. Основная масса ойконимов – названий деревень этой территории – образована с помощью окончания –ла (Еройла, Отчула, Роймайла, Рабала) или на –ица/–ицы (Нурмойлицы, Юргелица, Ватчелицы). Эти формы представляют собой названия, образованные от старых карельских (Древний Олонец, 1994, с. 112). В то же время массовые письменные источники XVI–XVII вв. – писцовые и переписные книги – даже для чисто карельской территории дают значительное количество русских названий. Это явление объясняют существованием двойных названий поселений: местного, отражающего язык населения, не всегда попадающего в тексты письменных документов, и официального, как правило, понятного для русского языка и закрепленного в писцовом делопроизводстве (Мюллер, 1947, с. 17–18;

Витов, 1962, с. 68). Официальные названия в большинстве случаев образовывались исходя из географического расположения поселения или по имени поселенца. Христианские же имена прибалтийско-финского населения практически не отличались от русских.

Тем не менее в писцовые книги попадают многие местные названия, такие как Наннола, Пижела, Ангула, Игачела, Силтила, Гоппила, Ивкуницы, Павченицы, Чуриницы, Киневицы, Судолицы, Куневицы, Ваченицы, Репушкиницы, Кетчелица, а также прозвища, среди которых, как отмечают топонимисты (Попов, 1949, с. 57–62), могут быть как чисто карельские, так и производные от христианских имен: Гангопя, Гуйкиев, Еглоев, Еруев, Келюев, Кичюев, Конниев, Копалев, Пряничев, Тилкуев, Тюкуев, Чикуюев, и др. (ПКОП, с. 57–75).

Первое сохранившееся писцовое описание 1563 г. в самом большом из Заонежских погостов – Олонецком Рождественском – зафиксировало 314 поселений и 1058 дворов (Кочкуркина, 2001, с. 80). Границы погоста простирались от владений Александровского монастыря на юге, Ладожского озера на западе до отдаленных волосток на севере и востоке: на Сямозере и Святозере. Наиболее населены были берега рек Олонки, Мегреги, Тулоксы, Седоксы, Видлицы.

Вероятно, большое влияние на этнические процессы в это время оказали военно-политические события. Разорение Олонецкого погоста, как и большей части Заонежских погостов, в конце XVI – начале XVII в. в результате шведской и литовской интервенций привело к частичной гибели населения. Многие жители ушли из родных мест. В то же время погост испытал приливы переселенцев, а потом и беженцев из захваченного шведами соседнего Корельского уезда. Несмотря на то что «кореляне» впервые отмечены в деревнях Олонецкого погоста в писцовой книге 1583 г., нельзя отрицать их проникновение и в более раннее время. Этот поток усилился в XVII в., когда большая часть «корелы» осела на землях Онежско-Ладожского водораздела, на территориях, сложившихся позднее этнических групп ливвиков и людиков (Жербин, 1956, с. 75–77; Чернякова, 1998, с. 247–255). Переписные книги «корельских выходцев» 1667 г. отмечают в Олонецком погосте около

290 семей и одиноких «корелян», тогда как в других погостах их число не превышало 40 (Чернякова, 1998, с. 251). Актовый материал XVII в. свидетельствует о том, что некоторые из них заняли запустевшие участки, другие упоминаются в захребетниках и подсоседниках или как принятые в дом к вдовам, третьи вообще не устроены и живут в Олонце, вызывая постоянные споры из-за земельных владений (Карелия в XVII в., 1948, с. 157–159, 190–191). В отдаленной волостке Олонецкого погоста на Сямозере при описании рыбных промыслов отмечается, что прежние рыболовы взяты в солдаты или скрываются от службы, а одним неводом ловят «кореляне» (там же, с. 152–153). Таким образом, население Олонецкого погоста отличало себя от собственно карел, но неизвестно, что представляли собой в этническом отношении в это время предки карел-ливвиков и людиков, каковы были их сходство и отличия, а также ареалы. В письменных источниках XV–XVII вв. противопоставление «своих» и «чужих» зачастую выражается в наименовании лиц по местности. Так, например, документы часто упоминают жителей Заонежских погостов: кижан, шунжан, толвуян, шуян, а также олончан (Кюршунова, 1995, с. 55–68). Отражая территориально-локальные группы населения, эти названия, в зависимости от географии их употребления, могли свидетельствовать как об этнических различиях, так и о месте жительства или происхождении населения. К примеру, упоминание сямозерца Микулки Онтушова в одной из деревень на р. Олонке в 1563 г., возможно, говорит лишь о локальной дифференциации.

Административные и торговые центры всегда представляли смешанный этнический состав населения. В приказном порядке в формировавшийся посад Олонецкой крепости были записаны торговые люди и стрельцы со всех Заонежских погостов, этнический состав которых был далеко не одинаков. Позднее среди посадских людей выделялись Свечниковы, Гуттоевы, Рухтоевы, Игумновы, Распутины, Окуловы, Лергоевы (Очерки истории Карелии, 1957, т. 1, с. 132). В город постоянно стекалось население со всех погостов, часть его, разорившись и забросив земельные участки, записывалась в стрельцы. Кроме олонцев стрельцов, несших постоянную службу в крепости, как явствует из документов, сюда

могли присылаться полки солдат и драгун, а также новгородских стрельцов и донских казаков, что резко повышало доходность кружечных дворов Олонца (Карелия в XVII в., 1948, с. 179). Вместе с тем торговля и промыслы провинциального и «порубежного» городка были недостаточно развиты, и посадское население долгое время жило за счет обработки земельных участков (там же, с. 190).

Согласно диалектологическим данным, область проживания карел-людиков занимала восточную часть Онежско-Ладожского перешейка и прослеживалась на юге узкой полосой от селения Михайловское, далее к Важинской пристани и до Святозера, Пелдожи, Пряжи, а на севере они проживали на всей северо-западной прибрежной части Онежского озера по низовьям рек Шуи и Суны (Диалектологический атлас, 1997, карта 3). Данные топонимии позволили уточнить границы двух диалектов, а также пути продвижения карел и веси к Онежскому озеру. На юго-востоке – это естественно-географический рубеж, разделяющий бассейны рек Олонки и Свири. Со Свири по рекам Важинке, Святрека Шую шел путь в Онежское озеро, известный вепсам и сыгравший решающую роль в формировании людиково-ливвиковой границы. В низовьях Шуи вепсское население сталкивалось с карельским, продвигавшимся вниз по р. Шуе из Приладожья в Прионежье. Неоднородность людиковских говоров, а также разнообразие этнонимов («люди», «лаппи», «вепся»), зафиксированных здесь позволили лингвистам выделить эту территорию как зону активных этнокультурных контактов (Бубрих, 1995; Муллонен, 2001, с. 333–336). В то же время отмечалось, что отсутствие специфической –l-овой топонимии в районе проживания карел-людиков, не позволяет говорить о раннем заселении данной территории прибалтийско-финским населением, тогда как более поздние пласты топонимов фиксируют проникновение в этот район собственно карел (Муллонен, Мамонтова, 1997, с. 15–19).

Неоднородность самоназвания населения северо-западного Прионежья, видимо, отразилась на данных переписи 1873 г. Среди карельского населения поселений Петрозаводского уезда в Сулажгоре, в деревнях по р. Шуе у погоста, у Логмозера, Укшезера,

Кончезера отмечена «лопь» (Список населенных мест... 1879, с. 6–11). К середине XX в. население этого района почти полностью обрусело (Муллонен, Мамонтова, 1997, с. 10).

Территория северо-западного Прионежья в XV–XVII вв. входила в состав Шуйского погоста, южная граница которого шла от Деревянного и оз. Лососинное, западная захватывала низовья р. Шуи с волосткой Виданы, доходила до Мунозера на севере, далее сворачивала к южной оконечности оз. Сандал и заканчивалась у оконечности Кондопожской губы. Деревни располагались по рекам Шуе и Суне, заливам Онежского озера, озерам Логмозеро, Укшезеро, Кончезеро, Пялозеро, Вашезеро. Это был один из небольших погостов Онежско-Ладожского перешейка, насчитывавший по книге 1563 г. около 156 поселений, 456 дворов (Кочкуркина, 2001, с. 84), в центре которого упомянут рядок, где новгородцы торговали мехами, хлебом, солью и рыбой (ПКОП, с. 113). Приток карельского населения на данную территорию отразился в названиях нескольких деревень. Например, зафиксирована деревня Харитонка Корелянина на Деревянном, Куземки Корелянина на Шуе и еще одна на Бесовце. Лишь один из починков образован «кондопожанином». Корельские выходцы названы среди жителей деревень на Суйсаре и Ялгубе. Кроме того, в ряде поселений зафиксированы жители с весьма красноречивым прозвищем Пришлой. Косвенные свидетельства о проживании прибалтийско-финского населения дают прозвища Сулгуев, Онтуев, Релкоев, Пажуев, Кейчуев (ПКОП, с. 113–124).

Книги 1583, 1616–1619, 1620 гг. фиксируют разорение погоста в результате военных действий, но и в них отмечают, хотя и редко, дворы «корелян». В книге 1616–1619 гг. впервые упомянуты обельные крестьяне Григорий Меркульев, его брат Прохор Мелентьев и племянник Кузьма Федоров в деревне на Ялгубе (Писцовая книга 1616–1619 гг., л. 109–109 об.). Сохранившаяся обельная грамота Бориса Годунова 1601 г., к сожалению, не указывает заслуги «лопенина» Гриши Меркульева (Карелия в XVII в., 1948, с. 15). И. А. Чернякова приводит сведения о предании, согласно которому эта награда была дана за исцеление самого царя. Сравнение с предыдущим писцовым описанием 1583 г. позволяет найти

Федора Мелентьева в деревне на Ялгубе, возможно, старшего брата обельного крестьянина, отца его племянника. Возникает вопрос об этнической принадлежности обельных крестьян. Считается, что «лоплянами» в это время называли не саамов, упоминаемых как «лопь», «лопари», а жителей Лопских погостов, заселенных уже преимущественно карелами (История Карелии с древнейших времен... 2001, с. 145). В этом отношении интересны замечания поздних переписных книг: «корельский выходец... родом Лопских погостов». В этой связи, учитывая постоянный приток «корелян» в Шуйский погост, который зафиксировали письменные источники, отразившийся, вероятно, в позднейшей этнонимии района (Бубрих, 1995, с. 77–83), более убедительным, кажется, видеть в «лоплинине» Григории Меркульеве корельского выходца.

Запущение части дворов и деревень Шуйского погоста, отмеченное Переписной книгой 1646 г. (л. 95–124 об., 540 об.–543), отразило уход населения Шуйского погоста от тяжелого налогового пресса в вотчины новгородских монастырей Хутынского и Антоньева, в волость Кондуши Александро-Свирского монастыря, митрополичью вотчину на Олонце, а также в помещичьи вотчины (л. 95–124 об., 540 об.–543). Корельских выходцев эта перепись не называет, хотя их присутствие в Шуйском погосте исключать нельзя. По материалам сыска 1667 г. в Шуйском погосте проживало около 39 семей «корелян» (Чернякова, 1998, с. 251). Книга 1678 г. отмечает корельских выходцев в деревнях у погоста, на устье р. Суны, на Мунозере, ими основываются и новые деревни. Но население уходит из Шуйского погоста из-за неурожая и голода. Крестьяне частично сошли «безвестно», другие вышли в соседние погосты: Кижский (Яндомозеро, Мянсельга, Горки), Олонецкий (Маньга и г. Олонец), Остречинский погост (Педяйсельга), Мегорский, Лопские погосты (Линдозерская волость). Некоторые перешли в вотчины новгородских и местных монастырей или выехали за пределы Заонежских погостов (Старая Русса) (Переписная книга 1646–1647 гг., л. 309–335).

Южнее расселения карел-людиков в западном Прионежье перепись населения 1873 г. в деревнях по рекам Ивине, Муромле,

Остречине фиксирует (Список населенных мест... 1879, с. 14) «чудь», частично уже обрусевшую в районах Ужесельги, Вознесе- нья, Ивинского погоста. Ко второй половине XX в. русскими стали деревни у Онежского озера – Щелейки, Подщелье, Гимрека (Вино- курова, 2001).

Считается, что расселение вепсов на территории западного Прионежья произошло незадолго до составления писцовой книги 1496 г. К этому выводу ранее пришел В. В. Пименов (1965, с. 181) на основе анализа письменных источников, а впоследст- вии он подтвердился на топонимическом материале (Муллонен, 1994, с. 126–134). По данным топонимии, явное вепское про- шлое прослеживается как в центре Оштинского погоста, распо- ложенного в Присвирье, так и на территории Остречинского по- госта. Здесь сохранился мощный слой прибалтийско-финских микротопонимов, свидетельствующих о значительном присутст- вии вепского населения и его относительно позднем обрусении (Муллонен, 1994, с. 128), однако топонимических моделей, сви- детельствующих о раннем земледельческом освоении этого района не прослеживается. Древний путь из Приладожья шел за- паднее по р. Важинке на верховья рек Суны и Шуи, затем в За- онежье и далее на север и восток от Онежского озера. Анализ то- понимии западного Прионежья показывает также отсутствие са- амских топонимов, что может говорить о том, что ко времени переселения сюда вепсов, саамов здесь не было (там же, с. 131). Немногочисленные известные археологические памятники ранне- го времени фиксируют кратковременные стоянки с лепной и гон- чарной керамикой древнерусского облика на многослойных па- мятниках устья р. Шелтозерки.

По описанию 1563 г. в Остречинском погосте насчитывалось 270 деревень и 392 двора, располагавшихся по рекам и составляв- ших скопления вокруг Ивинского центра-погоста, волостей Ладвы, Шокши, Шелтозера (Кочкуркина, 2001, с. 82). О нерусском на- селении этой территории можно судить по отдельным названиям деревень и именам поселенцев. Среди них можно назвать, напри- мер, деревни Кикувскую, Ребуевскую, Мелгуевскую, Варзин- скую, Прокуеву, Керзоевскую, Варгуевскую и другие, а также

прозвища Прягаев, Кюрзов, Чюгак, Попуев, Мохтой, Рянжа, Пузуев, Карзин, Ряикин, Куйнов, Каргуев (ПКОП, с. 103–113). В то же время сюда, вероятно, проникало славянское и карельское население. Писцовые книги упоминают о проживании в Остречинском погосте Федки Микифорова Новгородцева (1563 г.), Иванки Шуянина (1583 г.), Калинки Корелянина (1563 г.), и называют деревню Дорофейки «Кориленинова». В конце XVI – начале XVII в. население погоста сильно пострадало от военного разорения. Из общего числа поселений этого времени больше половины запустели. В писцовом делопроизводстве это отразилось на смене названий деревень, что не позволило проследить преемственность ряда сельских поселений в одной и той же местности. Переписные книги 1646 и частично 1678 г. (сохранилось описание только государственных земель) отражают уход населения в связи с тяжелым налоговым гнетом в Бежицкую пятину, Тихвин, запустение в результате неурожая, голода и солдатчины (Переписная книга 1646–1647 гг., л. 95–124 об., 540–542 об.; Переписная книга 1678 г., ч. 1–2, л. 396–426, 146–164). В редких случаях фиксируется, куда ушло население (Кижский погост, Сенная Губа, Толвуйский погост), еще реже, откуда пришло (Шуйский, Кижский погосты), в основном отмечается, что «сошли безвестно».

Заонежье и восточное Прионежье

Большое значение в изменении этнического состава населения Прионежья имела славянская колонизация. Продвижение ее шло по давно известной водной магистрали – р. Свири в Онежское озеро, далее в Беломорье или восточным путем через р. Водлу и Заволочье или северным – через Повенец, верховья Выга, систему озер и на р. Суму. Первоначально славянское движение носило, вероятно, «торгово-промысловый характер, преследуя цели поставки с северных территорий продуктов охоты и промыслов». В дальнейшем имела место земледельческая колонизация. На основе анализа большого числа источников М. В. Витовым был сделан вывод, что массовая русская колонизация Прионежья, выразившаяся в становлении сети сельского расселения, началась не ранее XIV в. и закончилась к концу XV в. (Витов, Власова, 1974, с. 182, 189).

Картографирование поселений, упомянутых в писцовых и переписных книгах, позволило лишь наметить пути и характер этого процесса.

Оценивая огромный корпус письменных источников XV–XVII вв. относительно сведений об этническом составе населения, он отмечает, что они «не дают вполне удовлетворительного материала». Прямые указания в письменных документах на проживание карел, вепсов, чуди или лопарей на той или иной территории – редкость, косвенными свидетельствами могут служить лишь нерусские имена, отчества или притяжательные этнонимы. В целом материал письменных источников «неравномерно характеризует всю территорию», тем самым «представляются возможными только самые приблизительные предположения на этот счет» (Витов, 1962, с. 61–72).

О дорусском прошлом Заонежья более подробные сведения дает топонимия. К самому раннему пласту топонимов относятся саамские, но, как отмечают исследователи, в Заонежье этот слой значительно размыт. Более ярко представлена прибалтийско-финская топонимия. По мнению И. И. Муллонен, несомненным ранним присутствием веси в Заонежье является распространение топонимов с l-овым формантом, адаптированных с помощью русской модели – ичи/–ицы: Кургеницы, Клименицы, Пагаченицы, Пахоницы. В Присвирье распространение этой модели полностью совпадает с археологической курганной культурой в юго-восточном Приладожье и хронологически может быть ограничено XIII в. (Муллонен, 2001, с. 340). В Заонежье данные топонимы прослежены только в южной части и северо-восточном конце Заонежского полуострова, в окрестностях Шуньги. Археологические памятники этого времени немногочисленны и представлены раннесредневековыми комплексами в окрестностях о. Кижы (Лаврова и др., 2005, с. 39) и в районе Сенной Губы.

Результатом более поздних явлений диалектологи считают сложение на территории Заонежья двух типов говоров. Причины их возникновения объясняют по-разному: одни – миграцией населения из пределов Псковской земли в XIV–XV вв., другие – более поздним движением населения из центральных областей России

(с XVII в.); третьи – влиянием особенностей говора прибалтийско-финского населения, сравнительно недавно подвергшегося обрусению (Мещерский, 1962, с. 120). Территория распространения первого, «толвуйского», говора – северо-восточное побережье Заонежского полуострова и центр, второго, «киже-шунгского», – узкая полоса с юга на север по западному берегу. Заметим в этой связи, что основание Палеостровского монастыря в начале XV в. легендарным пр. Корнилием из далекого г. Пскова становится весьма правдоподобным.

На основе анализа лексики Заонежья выделяется два этапа славянского переселения. Более ранний – миграция носителей единого псковско-новгородского диалекта, поздний – переселение носителей западнорусского диалекта XIV–XV вв. (Герд, 1979, с. 211–213; 2001, с. 415). Все это способствовало смешению славянского и прибалтийско-финского населения, процессам билингвизма и постепенному переходу на русский язык.

О проживании прибалтийско-финского населения в Заонежье свидетельствует известная грамота «всех шунжан» Вяжицкому монастырю середины XV в. Упомянутые в ней имена говорят о смешанном составе населения: Иван Кондратьев, Василий Тимошкин, Волос Петров, Иван Таин, Оншута Иванов, Яков Орин, Тоивуд Идуев и Кирка с детьми. Образованные от этих имен названия деревень, указанных в писцовых книгах, отмечал в своем исследовании М. В. Витов (1962, с. 169). В ранней сохранившейся писцовой книге 1496 г. Шунгского погоста можно встретить прибалтийско-финские прозвища Керкин, Вачуев, Нечюев, Мелгуев. В последующей 1583 г. – Чюрак, Онтуев, Мустар, Нахкин, Кокоев, Ироев, Коячов, Толкуев, Пекуев. Единичные упоминания фиксируют проживание в деревнях Шунгского погоста по книге 1496 г. Сенки Корелянина и Якуша Новгородца, в 1583 г. Левки Корелянина.

В Толвуйском погосте можно найти такие названия деревень, как Таруевская, Тароева, Чаруево, Вашуево, Пичюево, Пада-пелда, в Толвуе на каре, а также прозвища Чюглов, Гемячов, Горзин, Нерзин, Пекуев, Мултуев, Тимуев, Куйва, Герзин (ПКОП, с. 1–9, 124–155).

Меньше подобных названий встречается в центре Кижского погоста на Заонежском полуострове. Они зафиксированы на территории, пограничной с Шуйским погостом (Лижемская и Уницкая губа), там же отмечены и отдельные двойные переводные названия: «д. на Мелой губе на Лембитове острову».

Позднее «Список населенных мест 1783 г.» (с. 23–32) укажет на этой территории карельское население (у оз. Санда, Лижмозеро, Вегорукса, Ламбасручей, Пегрема), а также обрусевших карел Кузаранды. Незначительное количество «финнов» проживало также на о. Большой Клименецкий в деревнях Гарницы, Лонгасы и Клементьевской.

Как уже упоминалось, погосты Заонежского полуострова ко времени переписи 1563 г. были наиболее плотно заселены. В Кижском насчитывалось 163 поселения, 367 дворов, в Толвуйском – 188 деревень, 362 двора и несколько меньше в Шунгском – 140 деревень, 232 двора (Витов, 1962, с. 104–105).

Шведская интервенция конца XVI в., разорившая весь западный берег Онежского озера, затронула лишь пограничные селения Кижского погоста, часть Толвуйского, но разруха и запустение наблюдаются и здесь. Они вызваны последствиями войны, эпидемией и голодом. Так, писцами часто отмечается, что крестьяне «от морового поветрия и паду умерли» или «сошли безвестно», иногда указывается, что ушли в Каргополь. «Моровое поветрие» 70–80-х гг. затронуло Лижмозеро, Санда, Типиницы, Великую Губу, Яндомозеро, о. Киж, Киркостров, Волкостров. На Большом Клименецком острове запустел весь «Паханицкий» берег. «Смутное время» начала XVII в. принесло новые разорения, что не могло не отразиться на составе населения. Наиболее внимательна ко всем передвижениям жителей погостов переписная книга 1678 г. Хотя в большинстве случаев писцы указывают, что крестьяне «сошли безвестно», но иногда точно фиксируется место, откуда и куда перешли. Так, из Кижского погоста отмечены выходы населения в Андомский и Остречинский погосты, а также в Ошту, Каргополь и Олонец. В то же время в Сенную губу население приходит из Остречинского и Важинского погостов, на Леликов остров – из Шуйского, в Конду (о. Б. Клименецкий) – из Шальского погоста (Переписная книга 1678 г., ч. 2, л. 331–386).

Из Шунгского погоста зафиксированы выходы в южные Оштинский и Вытегорский погосты, а также в города Великий Новгород, Москва, Тихвин, Олонец, где часть крестьян записывается в стрельцы. В Шунгском погосте отмечается население из Шальского и Лопских погостов, Беломорья.

В Толвуйский погост приходит крестьянство из западного Острчинского и восточных Андомского, Пудожского, Вытегорского погостов, а также из Каргополя. Зафиксированы выходы крестьян в Водлозерский и Андомский погосты, в города Москва и Великий Новгород. Кроме того, отмечаются переходы в пределах одного погоста из деревни в деревню или в соседние Заонежские погосты. Зачастую население уходит в Климецкий, Палеостровский, Соловецкий монастыри (Переписная книга 1678 г., ч. 2, л. 54–101, 306–329).

Из пришлого населения в Заонежье переписные книги отмечают в Кижском и Шунгском погостах двух представителей «родом из-за литовского рубежа» и столько же выходцев «из Свейской земли» в центре Толвуйского погоста. Как они попали в Заонежье, писцы не указывают. Возможно, одним из объяснений проживания «иностранцев» в Заонежских погостах может служить грамота «новокрещена» Андрея Лукина. Попав в плен во время военных действий на Литовской территории, он был крещен, а потом продан ладожским стрельцом солдату Шуйского погоста. Прожив у последнего около семи лет, в очередной призыв он был отправлен служить службу вместо шуйского солдата, что, и явилось причиной «челобитья» (Карелия в XVII в., 1948, с. 153). Переход жителей из «Свейской земли» или финнов, сопровождавшийся обязательным обращением в православие, как отмечает А. С. Жербин (1956, с. 42), шел в общем потоке переселения карел из Корельского уезда.

Как и Заонежье, восточный берег Онежского озера – это территория проживания русскоязычного населения. В отношении сохранности древних слоев топонимии, дающих представление об этническом составе населения в далеком прошлом, исследователи считают эту территорию заповедным краем.

Хорошая сохранность древних субстратных слоев свидетельствует, как считают исследователи, о малой населенности этой

территории в древности, а также о постепенном характере заселения (Муллонен, 2001, с. 344). Наиболее ранние топонимы прибалтийско-финского пласта соотносятся с вепским населением. Д. В. Бубрих (1947, с.10) на основе анализа фонетических особенностей отмечал их на восточном побережье Онежского озера, вблизи озер Муромское и Водлозеро (Канзанаволок, Варишпелда). И. И. Муллонен (1995, с. 195–197) указывает на древнюю ойконимию с –l-оловым формантом в названиях водлозерских деревень (Рахкойла, Чуяла и более затемненных Курдилово, Вачелово, Онгилова Гора), а также на сохранившееся двуязычие, отразившееся в писцовых книгах, и вепские лексемы, распространенные в бассейне р. Водлы. В целом, по топонимическим данным, прибалтийско-финские следы отмечаются на всей территории восточного берега. Они были перекрыты мощной волной русской колонизации, устремившейся по р. Водле в Заволочье. Сохранение островков прибалтийско-финского населения могло быть возможно лишь вдали от колонизационных потоков. О контактах древнего саамского и вепского населения говорят отдельные заимствования, выявленные в вепском языке на лексическом и фонетическом уровнях. Саамские следы в лексике северных говоров дают исследователям возможность предполагать и наличие прямых русско-саамских контактов (Муллонен, 2001, с. 338–339, 343–344).

Раннесредневековые археологические памятники охотничье-рыболовецких культур отмечаются скоплениями у оз. Муромское и Водлозера. Известны также отдельные поселения со скудным инвентарем, условно разделяемые на комплексы с лепной керамикой и бескерамические, объясняемые как кратковременные стоянки (АК, 1996, с. 274–275). Этническая интерпретация их затруднена. Они могли быть оставлены как пришлыми воинами, торговцами, так и местным населением, специализировавшимся на добыче пушнины. О продвижении отдельных групп населения, знакомых с производящим хозяйством, из юго-восточного Приладожья на северный, северо-восточный берег Онежского озера свидетельствуют курганная группа и селище в Челмужах, а также курганы в Уницкой губе – Кокорино (Спиридонов, 2001).

Ранние письменные источники и берестяные грамоты, относящиеся ко второй половине XIV – первой четверти XV в., дают скудные данные о заселении этой территории в новгородское время. Они упоминают о водном пути по Водле в Заволочье, поездке сборщика даней (или приказчика) в Пудож, «записи о мехах», собираемых с жителей района Водлозера (Зализняк, 2004, с. 619–621, 644–645). Последняя грамота фиксирует смешанный состав населения, называя как православные имена (Фома, Филипп), так и славянские (Гостило, Намест, Жидило) и прибалтийско-финские (Вельют, Вельяказ, Вихтимас) (Мещерский, 1964, с. 195–197). Видимо, к новгородскому времени относятся городища Пудожское и Саминское. Память о них еще сохраняется в писцовых описаниях, но, к сожалению, археологически они недостаточно изучены.

Как уже отмечалось, писцовые книги косвенно свидетельствуют о смешанном составе населения, сохраняя, например, как уже отмечалось, двойные, переводные названия деревень на Водлозере. Возможно, здесь еще в XVI в. сохранились остатки субстратного населения. Книга 1563 г. в Шальском и Пудожском погостах фиксирует сплошь русские названия деревень и имена поселенцев. В 1580-х гг. в Шальском, Пудожском и Андомском погостах наблюдается большой приток населения из разоренных военными действиями погостов Онежско-Ладожского перешейка (Аграрная история... 1974, с. 243–248). Часть переселенческого потока осела, другая, видимо, продвинулась дальше в Заволочье. В начале XVII в. погосты восточного берега были разорены польско-литовскими отрядами и русскими казаками, действовавшими в отдельных районах вплоть до 1618–1619 гг. Многие селения сожжены, крестьяне убиты или скитаются по погостам. В это время в переписных книгах в единичных случаях упоминаются карельские выходцы, большая часть которых появилась в погостах восточного берега Онежского озера лишь в XVII в. и продвинулась в почти полностью обезлюдевший Андомский погост (Витов, 1962, с. 64; Чернякова, 1998, с. 245–256). Переписная книга 1678 г. отмечает передвижения населения из Шальского и Пудожского погостов в Андомский, Вытегорский, Шунгский, Кижский погосты. Многие крестьяне вышли за пределы Заонежских погостов в Новгородский,

Белозерский, Каргопольский уезды, некоторые записались в стрельцы в Олонце и Новгороде. В водлозерских деревнях зафиксированы выходцы из Великих Лук, Каргопольщины и соседнего Кижского погоста (Переписная книга 1678 г., л. 237–243).

Общепризнанно, что антропологические материалы четко фиксируют различия в физическом типе населения, соотнося его с тем или иным этносом. Исследования, проведенные М. В. Витовым в 1950-е гг. по определению физического облика современного населения Севера, способствовали выделению на территории Карелии онежского и ильменьско-беломорского типов. Сопоставление их с письменными, лингвистическими, этнографическими и фольклорными данными позволило соотнести первый с финно-угорским населением, а второй, как считает исследователь, отразил преобладание в этих местах физических потомков древних новгородцев (Витов, 1997, с. 14–29). Рассматриваемая в данной работе территория Онежско-Ладожского водораздела вошла в область распространения онежского типа, а Заонежье и восточный берег Онежского озера – ильменьско-беломорского. Последующие соматологические исследования ввели более дробную терминологическую классификацию, согласно которой карелы и вепсы вошли в состав прионежского локального варианта восточнобалтийского комплекса антропологических черт, а русские – в беломорский комплекс. В целом, как отмечают исследователи, межэтническое разнообразие прибалтийско-финских этносов, включенных в прионежский вариант невелико, хотя наблюдаются некоторые различия (Аксянова, 2004, с. 306). Так, указывается на большее разнообразие физических черт карел по сравнению с вепсами, обусловленное широким их расселением. Карелы, в отличие от вепсов, выше ростом, менее брахикефальны, имеют более узкое и профилированное лицо, более светлые волосы, среди них встречается реже выпуклая спинка носа. В этом отмечается влияние на антропологический облик карел соседнего беломорского типа (ильменьского-беломорского, по М. В. Витову), к которым относятся русские. К последним близки карелы Олонца и Пряжи. В отличие от русских, они характеризуются более округлой головой, коротким и расширенным в крыльях носом, светлыми волосами и слабым развитием бороды,

что сближает их с вепсами. Южные группы карел (Ведлозеро и Колатсельга) по антропологическим данным ближе к вепсам. На физический облик вепсов, проживающих в Бокситогорском районе Ленинградской области, определенное влияние оказал беломорский тип. В отличие от карел, антропологическая характеристика вепсов безусловно смещена в сторону лапоноидного типа, характерного для саамов (Аксянова, 2004, с. 304–313).

Археологические памятники

Этнографические материалы XIX–XX вв. южных карел, вепсов и русских фиксируют как общие явления, возникшие в результате исторического развития, многообразные культурные взаимовлияния, так и самобытные черты, отличающие культуру каждого из народов (Никольская, 1976, с. 149–167; Винокурова, 2001, Логинов, 2001а, б). Они больше проявляются в духовной сфере, но могут оказать влияние или выразиться в определенных формах материальной культуры (поселения, жилища, одежда, пища и т.д.).

Насколько археологические позднесредневековые материалы отражают этническое, традиционное своеобразие этносов в материальной культуре, быте и занятиях населения Карелии? Какие специфические или общие культурные явления можно проследить на археологических комплексах позднего Средневековья? Известно, что элементы материальной культуры в той или иной степени обусловлены главным образом развитием производительных сил и особенностями природной среды, а также особенностями исторического развития и прочно не привязаны к этносу (Чистов, 1972, с. 79), поэтому и отражение ее в археологических источниках, в силу их фрагментарности и односторонности, далеко не полное.

Поселения XIV–XVII вв. расположены в иных топографических условиях, чем памятники X–XIII вв. В большинстве своем это селища – остатки сельских поселений, фиксируемых писцовыми и переписными книгами. Многие из них расположены в пределах современных деревень и разрушены многовековой распашкой. Лишь на немногочисленных памятниках этого времени удалось проследить остатки строений. Поэтому трудно что-либо сказать о внутренней планировке, в которой, как считается, проявляются этнические

особенности, а также планировке усадеб, поселений, декоративных украшениях жилища. Традиционно изучаемые консервативные этнографические категории материальной культуры, например, одежда, средства передвижения, пища, на археологических памятниках сохраняются в единичных случаях и фрагментарно. Ощущается недостаточная и неравномерная изученность позднесредневековых памятников Карелии в территориальном и хронологическом отношении.

Наиболее археологически обследованным на территории карел-ливвиков является административный, военный, торгово-ремесленный центр того времени – Олонец, где выявлены слои XVII–XIX вв. (Древний Олонец, 1994, с. 42–55). Деревянная крепость с башнями была построена в 1649 г. по распоряжению московского правительства для защиты пограничных рубежей. Археологически обследованы деревянные укрепления города и рва, остатки башни, мостовые. Обнаруженные на территории Олонецкой крепости погребения характеризуют сохранение у населения некоторых черт языческих верований. При отсутствии каких-либо оснований для этнических различий четко прослеживается на археологическом материале социальный статус поздних городских поселений. Некоторые находки можно назвать социально-знаковыми, т. е. отражающими принадлежность к определенным слоям городского населения. К таковым можно отнести, например, обломки голландских курительных трубок, получивших распространение среди высших слоев общества, военных и купечества в XVII–XVIII вв. Аналогичные находки выявлены при раскопках Петровской слободы (Жульников, Спиридонов, 2003, с. 102–104) и шведского г. Кронборга, основанного в 1668 г. в Корельском уезде. Определенную социальную дифференциацию отражает часть мелких бытовых вещей, посуды, элементов интерьера жилищ (печные изразцы). О внутренней и внешней торговле говорит большая коллекция монет XVII–XIX вв., среди которых есть и шведские номиналы.

Менее изучены сельские поселения в округе Олонца, лишь незначительное их количество обнаружено в ходе разведок в районе оз. Новземское, населенных пунктов Еройлы и Обжи. Находки представлены фрагментами гончарной керамики XV–XVII вв. и мелкими железными предметами. Связи с памятниками X–XIII вв.

не прослеживается. В Пряжинском районе небольшим раскопкам подверглось селище, которое по топографическим особенностям и характеру находок может быть отнесено к промысловым рыбачьим станам (Кочкуркина, Спиридонов, 1988, с. 137–138).

Более изученными можно считать территории вокруг Онежского озера, но и здесь археологический материал пока не стал основой для этнических интерпретаций. Исследования А.М. Спиридонова затронули сельские поселения центров погостов северо-западного Прионежья, Заонежья и северо-восточного берега Онежского озера: Шуйского, Толвуйского, Кижского, Шунгского, а также Челмужского погостов (Спиридонов, 1995, 2004). Проведено историко-археологическое исследование сельских поселений и монастыря на о. Большой Клименецкий в Заонежье (Дмитриева, Кочкуркина, 2000). Работы на усадьбах Палеостровского, Муромского, Климецкого, Брусненского монастырей, представляющих особый тип поселений, позволили в ряде случаев уточнить расположение строений и их характер, а также составить представление о материальной культуре и монастырском быте. На восточном берегу Онежского озера известны отдельные позднесредневековые памятники на р. Водле, в районе оз. Муромское, Нигижмы и Бесова Носа (Кочкуркина, Спиридонов, 1988).

Практически не изучено западное Прионежье. Можно назвать лишь единичные селища, выявленные путем сбора материала с распахиваемых участков, и небольшие разведочные раскопки на территории Николаевского Брусненского монастыря.

Характерной чертой позднесредневековых исследований стало комплексное применение источников: письменных, этнографических, картографических. Например, историко-археологическое исследование сельских поселений Челмужского погоста позволило сделать выводы о характере расположения их на местности. В результате сопоставления археологических памятников с информацией писцовых и переписных книг о поселениях получены данные, подвергнувшие сомнению тезис о господстве в этот период на Севере малодворных деревень, так как локализованные на местности они явно представляли собой единую агломерацию (Спиридонов, Чернякова, 1991, с. 32–49).

На основе археологического материала с привлечением исторических источников возможно выделение и владельческой принадлежности поселений. Так, среди девяти позднесредневековых поселений Толвуйского погоста примечательны два. Одно из них XV–XVI вв., где обнаружены не характерные для обычного сельского поселения находки, такие как серебряные монеты и шахматная фигурка, было идентифицировано с монастырским двором «на приезд» Вяжицкого монастыря. Второе более позднего времени XVIII–XIX вв. – с остатками разнообразного хозяйственного инвентаря, монет, фрагментов гончарной, стеклянной, фарфоровой посуды, штофов, канцелярскими принадлежностями – было соотнесено с известной по документам Толвуйской земской избой (Спиридонов, 1995, с. 152–174). Сопоставление с историческими источниками позволило уточнить датировку памятников, составив типохронологическую шкалу для наиболее массовой категории находок: керамического материала (Спиридонов, 2004, с. 281–303).

Различия в археологическом материале фиксируют дифференциацию поселений и по функциональному принципу. По топографическому расположению и характеру находок выделяются сезонные промысловые поселения. У основания мыса Бесов Нос восточного берега Онежского озера известны остатки двух промысловых станов XVI–XVII вв., связанных с сезонным ловом рыбы (Амелина, 2003, с. 146–148). Небольшие разведочные работы на одном из них выявили остатки постройки с отопительным сооружением, рыболовный и хозяйственный инвентарь, свидетельствующие о занятии населения домашними промыслами (плетение из бересты). Выявленные остатки берестяной обуви относятся к широко распространенному на севере новгородскому типу «верзня».

В целом наиболее массовый археологический материал XIV–XVII вв. Приладожья и Прионежья фиксирует сильное влияние русского ремесла, выразившееся в бытовании однотипных изделий и орудий труда, а также широком распространении новгородских форм керамики. Как характерная черта исследователями отмечается «архаичность» провинции, длительное сохранение традиций (Кирпичников, 1980, с. 48–49). Утрата старых технологий в изготовлении глиняной посуды в Прионежье и появление новых приемов связываются с военными разорениями XVI – XVII вв. (Спиридонов, 2004, с. 281–303).

Вероятно, в будущем по мере изучения позднесредневековых памятников можно будет выявить какие-то локальные особенности на археологическом материале, но и в этом случае их этническая интерпретация станет возможной лишь при полном сочетании с данными других наук (истории, этнографии и т. д.).

Таким образом, имеющиеся в настоящее время археологические источники фиксируют социальные и производственные отличия, которые более отчетливо проявляются в материальной культуре. Массовые археологические материалы отражают общие, характерные для Русского Севера культурные черты.

* * *

Подводя итоги, подчеркнем, что изучение археологических памятников позднего Средневековья тесно связано с необходимостью привлечения результатов других наук, что позволяет создать более полную картину исторического прошлого.

По этническому составу населения Карелии в XV–XVII вв. наиболее информативными являются письменные и лингвотопонимические источники. Письменные свидетельства не всегда дают прямые указания на этнический состав населения. Многочисленные топонимические данные, к сожалению, не могут быть точно датированы. Археологические источники, в силу своей специфики, не подтверждают и не отрицают этнических различий. Они лишь фиксируют общие тенденции в материальной культуре, отмечая сходные черты на территориях расселения разных этносов, свидетельствующие о складывании северорусской культуры в период XV–XVII вв.